

Ксения Лученко

матушки

жены священников
о жизни и о себе

Светлана Соколова
Ольга Ганаба
Лилия Лобашинская
Марина Митрофанова
Лариса Первозванская
Олеся Николаева
Анастасия Сорокина
Ольга Юревич
Наталия Бреева

Люди Церкви

Ксения Лученко

**Матушки: Жены
священников о жизни и о себе**

«Никея»

2012

Лученко К. В.

Матушки: Жены священников о жизни и о себе / К. В. Лученко — «Никея», 2012 — (Люди Церкви)

В этой книге собраны рассказы жен священников о своей жизни. Их называют «матушками», по аналогии с тем, как священников называют «батюшками». Как правило, семейная жизнь духовенства тщательно скрывается от постороннего взгляда. Жизненный опыт матушек – во многом опыт ежедневных жертв. Но проблемы у нас у всех общие. Как их преодолевают матушки, жены тех священников, к которым мы часто обращаемся за советом?

© Лученко К. В., 2012

© Никея, 2012

Содержание

Об этой книге	6
Олеся Николаева	8
Ольга Ганаба	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ксения Валерьевна Лученко

Матушки. Жены

священников о жизни и о себе

*Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви
В книге использованы фотографии из семейных архивов героев, а также фотографии М.
Моисеева, Ю. Маковейчук, С. Чапнина, В. Ходакова*

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы приобрели легальную копию электронной книги издательства «Никея».

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную.

Как это сделать – узнайте на нашем сайте

www.nikeabooks.ru

Если в электронной книге Вы заметили какие-либо неточности, нечитаемые шрифты и иные серьезные ошибки – пожалуйста, напишите нам на info@nikeabooks.ru

Спасибо!

Об этой книге

Книга, которую вы держите в руках, – это рассказы девяти женщин о своей жизни. Все эти женщины очень разные: москвички и петербурженки, работающие и домохозяйки, разного возраста и воспитания, у кого-то из них много детей, у кого-то нет, кто-то вырос в православной семье, а кто-то пришел к вере в зрелом возрасте. Объединяет их одно: это жёны священников; их называют «матушками», по аналогии с тем, как священников при обращении к ним называют «батюшками». Основа книги – прямая речь. Каждая героиня рассказывает о своей семье, своем жизненном пути, о доме и близких, о детстве и обстоятельствах сегодняшней жизни.

Признаюсь, с матушками было трудно договориться об интервью. Как правило, семейная жизнь духовенства тщательно скрывается от постороннего взгляда. Матушки внимательно следят за впечатлением, которое они производят, ведь по ним судят и об их муже, и о приходе, на котором муж служит. Их жизненный опыт – во многом опыт ежедневных жертв и компромиссов, с одной стороны, и постоянного творческого переосмысления семейных традиций – с другой. Кто-то готов часами делиться этим опытом, другие – лишь пунктиром намечают главное. Поэтому тексты, вошедшие в этот сборник, очень неоднородны: каждый отражает характер и личную философию героини.

И вместе с тем эта книга не сборник советов по практическому устройению православной семьи. Напротив, чем старше и опытнее матушка, тем меньше она склонна давать советы. Чтение этих историй помогает разрушить стереотипы. Нет идеальных православных семей. Есть очень разные реальные семьи, каждая – отдельный живой организм. Впрочем, книга и не о семье как таковой. Она о судьбах, о преемстве поколений – в семье и в Церкви. Поэтому многие героини стремятся как можно больше рассказать о том, откуда они родом: о предках, о детстве, родительских семьях. В рассказе Анастасии Сорокиной читателю приоткрывается мир Печор и Псково-Печерского монастыря в 1970-х годах. Ольга Ганаба говорит о подмосковной приходской жизни того же периода, но ведет свой рассказ с гораздо более раннего времени – с 1920-1930-х годов, когда ее отец, архиепископ Мелхиседек (Лебедев), начинал свое церковное служение. В рассказе матушки Наталии Бреевой предстает церковная Москва 1950-х годов, но из описания трагических страниц семейной истории читатель узнает и о коллективизации, и о блокаде Ленинграда. В этих простых рассказах обычных женщин, ставших свидетельницами времени, оживает история России и Церкви в XX веке.

Ольга Юревич и Калисса Лобашинская, обе москвички, рассказывают, как поехали за своими мужьями: одна – в Сибирь, другая – в маленький городок в Калужской области. Светлана Соколова делится воспоминаниями о том, как, будучи студенткой Московской консерватории, из далеких от Церкви кругов, входила в семью Соколовых, священнический род которых, не прерываясь, существовал триста лет, как приняли ее, некрещеную девочку, в семье будущего мужа, продолжательницей традиций которой ей суждено было стать. Олеся Николаева говорит о людях, которых встречала она и ее муж, протоиерей Владимир Вигилянский, на своем пути в Церковь.

Отдельная тема, которой так или иначе касаются все героини, – детство. Порой от кратких – всего несколько строчек, а порой подробных, детальных рассказов о своем детстве они перекидывают мостик к собственным детям. Слово «воспитание» слишком холодное, официальное, чтобы описать отношение к детям в семьях, о которых идет речь. Почти все героини книги рано или поздно столкнулись с выбором между своей

работой (чаще всего – любимой) и детьми. Кто-то, как Марина Митрофанова, не смог оставить сына в детском саду, кто-то, как Ольга Ганаба, увидел, что без маминой поддержки очень трудно дочке-подростку. Физик-ядерщик Лариса Первозванская и архитектор Ольга Юревич отказались от карьеры, потому что семьи стали многодетными.

Конечно, девять небольших рассказов не могут охватить всего многообразия семейной и церковной жизни. Но они дают возможность читателю задуматься о том, что такое семья и преемственность поколений. Пристальное взглядывание в жизненную философию современных христиан может помочь увидеть проявление живого, творческого начала в тех областях нашей жизни, о которых современная литература и публицистика говорят слишком редко.

И последнее. Я благодарю всех матушек, которые согласились участвовать в работе над этой книгой. Я прекрасно понимаю, что и для них, и для их батюшек это было непростое решение, и тем не менее они согласились рискнуть.

Очень надеюсь, что у этой книги будет продолжение.

Ксения Лученко

Олеся Николаева

Протоиерей Владимир Вигилянский (р. 1951) – руководитель пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси, клирик домового храма мученицы Татианы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, публицист и литературный критик. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза журналистов России и Союза российских писателей.

Олеся (Ольга) Николаева (р. 1955) – поэт, прозаик, эссеист, автор нескольких книг стихов и романов, лауреат множества премий, в том числе Российской национальной премии «Поэт». Преполагает литературное мастерство в Литературном институте им. А. М. Горького. Член Союза писателей; член русского Пен-центра. Вырастила троих детей.

Я родилась в московской писательской семье. Мой отец – Александр Николаев – писал стихи, был заместителем главного редактора журнала «Дружба народов», а моя мать была журналисткой и переводчицей. Мое детство совпало с хрущевской «оттепелью» – временем, которое казалось интеллигенции очень радужным. Вот и атмосфера нашего дома всегда была праздничной: дом был полон друзей и гостей, среди которых оказывались и известные поэты, и режиссеры, и актеры. Кстати, это ощущение праздничности жизни – жизни как праздника – у меня осталось до сих пор, правда, само понятие праздника изменилось.

Из людей, с которыми дружили мои родители, кажется, никто в ту пору в храм не ходил. Единственный церковный человек, который был рядом, – это моя бабушка Надя. Но жила она с другими внуками, которых и покрестила во младенчестве, а меня как-то не очень церковно просвещала. Может быть, она считала, что этим должны заниматься мои родители. Правда, она время от времени рассказывала мне удивительные истории про святых и юродивых, про пророчество юродивой Паши Саровской Государю Императору о рождении сына, который «наследником будет, а царем – нет». Все это, как я слышала от бабушки, юродивая Паша наглядно изображала, играя в тряпичные куколки, что меня очень поразило.

Кроме того, папа, когда мне было семь лет, повез меня с собой в командировку в Ленинград, там повел в Исаакиевский и Казанский соборы, в Русский музей, в Эрмитаж, где было много икон и картин на евангельские сюжеты, и очень подробно и точно объяснял, что на этих иконах явлено, а на картинах изображено. Так я узнала о Христе, увидела Его распятым на Кресте и тогда сразу же уверовала в Него. Фреска «Избиение младенцев», картины «Страдания мученика Севастиана», «Распятие апостола Петра» и т. д. – все это меня потрясло.

А когда я училась в седьмом классе, я поехала на зимние каникулы со своим классом на экскурсию в Киев. Возвращаясь из Лавры, мы очень долго ждали трамвай, было холодно, я ужасно замерзла. А остановка располагалась прямо перед храмом. И учительница повела нас туда погреться.

Шла Божественная литургия – как раз только что началось причастие, и верующие стали подходить к Чаше. Я стояла и смотрела на них с неожиданным для себя чувством горчайшего сожаления, что я не могу быть с ними. Я поняла, что со мной происходит какая-то трагедия, потому что и этот храм, и Иисус Христос на распятии, и эти звуки, и эти запахи, и дрожание этих свечей, – все здесь было МОИМ, а я была отрезана от этого пропастью.

С ранней юности я очень много читала. Любила я не только литературу, но и религиозную философию: мне представлялось, что это приближает меня к Богу. Читала я и толстовское переложение Евангелия, даже и не подозревая о том, что оно – еретическое. Но, может быть, Господь закрыл тогда мое сердце для нечестивых словес, потому что потом, когда я добыла Евангелие подлинное, мне казалось, что я испытываю радость УЗНАВАНИЯ, то есть что я его уже знаю и именно таким, какое оно есть.

Как только среди моих знакомых появился церковный человек, я попросила его, чтобы он помог мне покреститься. Мне было уже 23 года. Этот человек привез меня сначала к отцу Все-

володу Шпиллеру в Николо-Кузнецкий храм, а отец Всеволод благословил нас тут же отправиться в Отрадное к отцу Валериану Кречетову.

Отец Валериан задал мне несколько вопросов да сразу и покрестил меня, хотя у него только что закончились крестины и дело шло уже к вечеру. А через два дня он покрестил и моих крошечных детей, а еще через два года – уже и моего мужа, который потом стал священником – иереем Владимиром Вигилианским. И наконец, четыре года спустя он покрестил и мою умирающую мать, которая после этого буквально восстала от одра болезни и прожила еще почти 25 лет.

Однако покреститься-то я покрестилась и даже причастилась один раз, и даже детей стала водить к причастию каждое воскресенье, но самой мне что-то очень мешало стать человеком церковным. Это «что-то» было, как я теперь понимаю, усвоено мной из той же религиозной философии – во всяком случае, рассуждения Николая Бердяева о несовместимости смирения и творчества произвели на меня впечатление, и я искренне полагала, что надо выбирать что-то одно... Что историческая Церковь не для меня... Что у меня есть Церковь «внутренняя», «внутренняя молельня, по слову Владимира Соловьева... Чтобы опровергнуть это заблуждение, необходимо было какое-то сильное потрясение, должно было что-то произойти.

И тогда Господь привел меня самым чудесным образом в Ракитное, райцентр Белгородской области, где служил в Никольском храме архимандрит Серафим (Тяпочкин), человек святой жизни. Я попала туда в Страстную Пятницу, служба была очень долгой – Погребение Плащи-ницы перетекало в Божественную литургию. А я все богослужение стояла, не смея ни присесть, ни выйти из храма, потому что мне казалось, что именно сейчас решается моя судьба.

К вечеру Светлого Христова Воскресения отец Серафим умер, и на похороны к нему съехалось множество духовных чад со всего Советского Союза, среди которых были архиереи, священники и монахи. Приехал и мой муж. День и ночь в храме шли богослужения, иереи по очереди читали Евангелие над телом усопшего архимандрита. Мы исповедовались, причащались и незаметно «влились» в церковную жизнь. Можно сказать, что эти несколько дней в Ракитном изменили все мои прежние представления.

Мы стали ходить в церковь, ездить по монастырям, у нас появился духовный отец и духовные наставники из числа духовенства. Со многими монахами и священниками мы подружались на всю жизнь. Ну а потом Господь привел и моего мужа к священству. Все это так или иначе описано в моих книгах – особенно в романе «Тутти» и в повести «Корфу».

В этом же романе и в этой же повести я рассказываю о том, как Господь соединил мою судьбу с судьбой моего мужа. Дело в том, что я за несколько лет и до нашего брака, и даже до нашего знакомства получила извещение, что именно этот человек будет моим мужем.

А мой муж за несколько лет до своего священства, еще когда он об этом и помыслить не смел, получил некое уведомление от архимандрита Геннадия (затем – схиархимандрита Григория), служившего в храме села Покровское Белгородской епархии, что он из молодого человека по имени Володя превратится в иерея Владимира.

Таким образом, мой муж стал священником уже в очень зрелом возрасте, когда он всю проявил себя на своем профессиональном поприще литературного критика, журналиста и издателя. А я к тому времени уже была писательница, довольно известная, во всяком случае, мое имя уже успело попасть во всякие литературные энциклопедии, словари и антологии поэзии, не только российские, но и зарубежные. Кроме того, я преподавала литературное мастерство в Литературном институте им. Горького, где вела семинар поэзии.

Наша жизнь всегда была очень насыщенной – работой, заботой о детях, общением с людьми, но когда мой муж стал священником, она стала невероятно богатой трудами в поте лица своего, событиями, человеческими судьбами, с которыми пришлось соприкоснуться вплотную. А вот всякими материальными удобствами и развлечениями она сделалась сразу невероятно скудна. Мы жили под Москвой в писательском поселке Переделкино, и мне пришлось

послужить моему мужу в качестве шофера – я возила его то на богослужение, то на беседы с прихожанами, которые проводились в храме, то на лекции в Православный университет, где он тогда читал лекции и был деканом факультета церковной журналистики. Ездил я на машине «Москвич», которая, как ее ни чини, непрестанно ломалась. Это были постоянные приключения – никогда не знаешь, каким образом доберешься до дома – на машине ли, или на буксире. Зимой, когда мы рано-рано утром выезжали на богослужение, машина подчас застревала в глубоком снегу, и отцу Владимиру в рясе приходилось ее толкать. Да и дом наш, ветхий и обшарпанный, никак не был пригоден для зимнего проживания – в нем чуть только мороз, тут же норовили замерзнуть трубы, поэтому их надо было постоянно дополнительными ухищрениями разогревать – я придумала для этого собственное «ноу-хау»: наливала в двухлитровые полиэтиленовые бутылки очень горячей воды, но не кипятка, потому что от кипятка они деформировались, а потом раскладывала эти бутылки по «слабым» участкам труб. Однако вода быстро остывала, и поэтому ее надо было менять не реже, чем через каждые три часа. Кроме того, надо было пускать струйку воды, чтобы не замерз водопровод. То есть это было целое трудоемкое дело – чуть зазеваешься, и трубы замерзли, надо их теперь долго и упорно отогревать «ветерком», феном... Ну и кроме того, в доме было ужасно холодно, несмотря на рефлекторы. Так что жизнь в первые десять лет священства отца Владимира была у нас очень тяжелая, особенно зимой. Я так подробно останавливаюсь на этих, вроде бы мелких, бытовых трудностях, но ведь они – составляют тот фон, на котором происходит и без того очень напряженная жизнь священника, постоянно окруженного людьми, подчас очень проблемными, порой невротичными, с запутанными обстоятельствами, трагическими судьбами, непрестанными скорбями, ужасными болезнями. И от этих людей никуда не уединишься – отец Владимир не мог ни пропустить богослужение, ни «прогулять» дежурство в храме, ни дома выключить телефон даже из-за высокой температуры – так больной и продолжал нести свое иерейское послушание. А однажды, когда неким было его заменить, так даже служил литургию на следующий день после операции, со свежими, еще неснятыми на руке швами.

Что касается меня, то я с юности привыкла ложиться очень поздно, порой под утро, поскольку писала именно по ночам – днем работать мне не давали дети, да и вообще всякие дневные заботы.

А тут пришлось перестраиваться – вставать ни свет ни заря. Но поскольку писать я все равно продолжала, то подчас получалось так: работаю часов до трех ночи, а потом надо вставать в половину шестого утра, садиться за руль и мчать себе по обледенелой дороге на тяжелой неповоротливой и почти не умеющей тормозить машине.

Автомобилизм, собственно, никогда не был моим «увлечением» – в какой-то момент жизни нашей семьи стало необходимым, чтобы я села за руль. Был у меня и такой период – практически весь Великий пост, когда я работала шофером у игуменьи Серафимы (Черной) – настоятельницы Новодевичьего монастыря: она попросила – я согласилась. Вот я и гоняла по делам монастыря с раннего утра до глубокой ночи: тогда монастырю только-только отдали подворье неподалеку от Домодедова, и его надо было использовать как подсобное хозяйство. Я возила туда и обратно матушку-игуменью, священников, послушниц, а также всякую живность – гусей, коз, которых жертвовали благочестивые миряне.

Но вообще, что касается автомобиля, то в условиях мегаполиса, когда на поезде легче доехать из Москвы в Петербург, чем добраться от одного конца города до другого, автомобиль стал необходимостью, особенно при наличии большой семьи. Все мои дети теперь тоже водят машину: ездят на работу, возят своих детей. А что касается меня, то мне почему-то всегда «мужские» занятия удавались лучше, чем женские, и устройство машины мне понятнее и интереснее, чем, скажем, выкройка, узор для вышивания или какой-нибудь тип вязания. Ну что ж, оказалось, что именно такое устройство больше подходит именно к моей жизни. А может быть, это какие-то издержки моей профессии – несомненно, скорее мужской, чем женской.

Сейчас, оглядываясь назад и вспоминая всю эту жизнь, с ее бурными обстоятельствами, искушениями, трудами, бременами, я порой не верю, что мы это могли преодолеть. Что касается меня, то я не могу понять, как практически можно было при таком образе жизни, при скорбях, которые всегда выпадают на долю священников и его семьи, в гуще людей с их психологическими особенностями и проблемами не только растить детей и читать лекции, но и писать книги. Конечно, без помощи Божьей – и явной, и прикровенной – это было бы никак не возможно. Тем более что мой духовник – и до священства моего мужа и уже после принятия им сана – неизменно благословлял и даже вдохновлял меня на писательские труды.

Ну а с другой стороны, конечно, если бы мой муж стал священником еще в совсем молодом возрасте, сразу после нашего венчания, и не нависала бы над нами тень нашей писательской профессии, которая оказалась востребованной и в лоне Церкви, то наша жизнь, быть может, была бы более похожа на жизнь священнической семьи: батюшка бы служил в храме, вел духовную работу с прихожанами, а матушка просто растила бы детей и держала двери своего дома распахнутыми, потчуя духовных чад мужа и пирогами, и блинами, и борщами, и картошечкой с соленым огурчиком. Я знаю такие семьи священников, и сердце всегда радуется возле них.

Дети всегда участвовали в нашей жизни – они дружили с нашими друзьями, с некоторыми из них с раннего детства, и до сей поры они на «ты». Поскольку к нам приезжало много дружественных монахов, а как известно, нет людей более чистосердечных, радостных и мудрых, чем монахи, дети никогда не чувствовали себя обделенными радостями жизни – им было интересно слушать удивительные истории о том, на какие каверзы пускается лукавый, чтобы искушить и навредить христианину, и о том, как Господь помогает каждому человеку, спасая его от беды, предупреждая и увещевая, удивляя и утешая. Порой они воочию могли убедиться, что Господь наш бесконечно любит нас, заботится, как милостивый Отец, знает тайные помышления нашего сердца, как истинный Сердцеведец, что Он действительно еще на нашем веку и на наших глазах «возводит низверженного» и «возносит смиренного», а «богатыщегося» отпускает ни с чем. Очень важно научить ребенка видеть связь греха с его тяжелейшими последствиями, а также с неизбежным возмездием за этот грех. И все это так. Но еще важнее явить ему, что суть подлинных отношений с Богом – в нашей любви и нашей свободе. «Если любите Меня, заповеди Мои соблюдете», – говорит Своим ученикам Сам Господь. Так вот – поставить

любовь к Господу главной мотивировкой к исполнению закона есть, может быть, самое существенное в наших отношениях и с Богом, и с миром, и самими собой.

И если ребенка наставлять в Законе Божьем, то непременно нужно делать это в процессе живой жизни – прежде всего учить его отыскивать следы Промысла Божьего, свидетельства Божьего попечения о нас. Тогда и будет преодолен разрыв между теоретическим научением и практическим существованием дитяти в мире, тогда он и не будет себя ощущать в некоем «православном гетто», выйдя из которого ребенок рискует обнаружить себя в чужом враждебном стане и накопить в себе агрессию против него: Господь равно дождит на злых и добрых, солнце сияет и праведникам и нечестивцам. Верующие родители имеют власть вручить своим детям ключ живой веры, которым отпираются запертые двери жизни, но такой способ понимания мира возможно передать лишь личным примером.

Потом дети вырастают, и оказывается, что они хотят жить собственной жизнью: они забывают какие-то практические вещи, которым ты их учил, они выбирают себе не ту профессию, которую ты бы хотел для них, но у них остается самое главное – это навык пытаться интерпретировать события своей жизни в свете Промысла Божьего. Лишь тогда жизнь становится путем самопознания и Богопознания – послушание и дерзновение, чувство личной ответственности и уверенность, что судьба твоя находится в крепких руках Промыслителя.

Конечно, все мои дети ходили и в воскресную школу, и в православную гимназию, но главное религиозное воспитание они получали и дома, и в храме, и в монастыре, куда ездили на каникулы на послушание, то есть в течение самой их жизни.

А что касается отношений родителей со своими взрослыми детьми, то тут очень важно, с одной стороны, не стремиться к тому, чтобы втянуть детей в собственную жизнь и растворить их в ней, а с другой стороны, при всем своем участии, сострадании и реальной помощи не пытаться самим жить за них, жить вместо них.

Сейчас наши с отцом Владимиром дети уже взрослые. Старшая – Александрина – преподает в лицее, пишет сценарии для телеканала «Культура», печатается как литературовед в толстых журналах и сотрудничает с православными изданиями как журналист. Сын Николай – уже диакон, у него есть своя фирма под названием «Тектон», занимающаяся строительством деревянных храмов по старинным технологиям – без гвоздей. Младшая дочь Анастасия – студентка Литературного института им. Горького. Помимо того, что она студентка, она еще и макетирует книги.

У каждого из них уже есть свои дети: всего – восемь. Так что дети наши унаследовали от нас представление о жизни как череде подвигов и трудов, но ведь если ты любишь дело, которым занимаешься, то оно оборачивается для тебя праздником.

До 1988 года я писала исключительно стихи. Но потом я почувствовала, что не все может быть выражено этим видом литературы. И я написала свой первый роман. В начале 90-х, когда произошел государственный, общественный и культурный слом и наступило «время публицистики», я стала писать эссе параллельно со стихами и прозой. Мне кажется, что такая «смена языков» очень полезна для писателя, ставя перед ним каждый раз новые художественные и интеллектуальные задачи и не позволяя окостеневать в ранее освоенных границах.

В 2008–2009 годах я вела на телеканале «Спас» по очереди с Дмитрием Дибровым телепередачу «Основы православной культуры», главная задача которой была просветительская. Совместно с приглашенным гостем программы мы пытались донести до наших телезрителей и вероучительные истины Православия, и основы экклесиологии, и этапы истории Церкви, а при этом обсудить церковные проблемы в контексте современной жизни... За годы атеистической пропаганды вокруг Православияросло огромное количество превратных представлений. Это и заведомо ложные, и просто искаженные суждения. Моя цель была в том, чтобы попытаться кое-какие мифы развенчать, кое-какие языческие взгляды разоблачить, кое-какие

наветы упразднить и хотя бы отчасти через гостей, которых я приглашаю на передачу, дать образ Православия как религии любви и радости, творчества и свободы.

А в 2009 году я написала сценарий по своей повести «Куке из рода Серафимов», который был куплен для кинопостановки. Теперь, когда у меня есть хоть какой-то опыт в этом деле, мне хочется написать драму. Тем более что жизнь подкидывает так много сюжетов и посылает таких удивительных людей, которые вполне могли бы стать литературными персонажами.

Ольга Ганаба

Протоиерей Александр Ганаба (р. 1956) – секретарь Московского Епархиального управления, настоятель Троицкого собора г. Подольска, ректор воскресной школы при Троицком соборе г. Подольска.

Ольга Ганаба (р. 1954) – переводчик. Закончила Институт иностранных языков имени М. Тореза (теперь МГЛУ), много лет работала в Отделе внешних церковных связей. Проректор воскресной школы при Троицком соборе г. Подольска. Вырастила четверых детей.

Слово благодарности

Прежде всего мне хотелось бы сказать о родителях. Когда я соглашалась на интервью, я подумала, ну что такого особенного в нашей семье, да, конечно, семья священническая, традиционная, династия. Когда я прихожу в наш приходской храм и вижу четыре поколения нашей семьи в алтаре за службой (отец моего мужа протодиакон, муж и дети у престола, внуки прислуживают, подают кадило, выходят со свечами), дочь – на клиросе, меня охватывает трепет и огромная благодарность Богу, я сама порой не верю, как это со мной так произошло, что у меня такая семья. Но надо понимать, что мы не были бы такими, какие мы есть, без наших родителей, без неустанной молитвы наших бабушек и дедушек. Им мы обязаны всем. Им, этому поколению родившихся в конце 1920-х годов, людям, детство которых пришлось на суровые тридцатые и военные сороковые, а молодость, взросление и становление характеров – на хрущевские годы, когда всей стране обещали показать последнего попа. Да, в этой среде нет мучеников и исповедников (или они пока еще не явлены!), – потому очень часто людям с неопитским пылом в крови кажется – ну что такого особенного они сделали? Есть даже те, кто дерзает обвинять то поколение в соглашательстве и конформизме, а то и в прямом предательстве Церкви... А на самом деле они долгие годы без видимых миру страданий, в ежедневном служении несли на своих плечах Церковь и просто жили по-христиански в атеистическом окружении. А еще они умели молиться по-настоящему, как мало кто из нас умеет молиться. Они были глубоко укоренены в церковной жизни, поскольку церковный богослужебный круг определял весь строй их жизни. Как мне кажется, они имели подлинное богообщение, о котором мы сейчас и понятия не имеем! И все, что сейчас у нас есть: храмы, воскресные школы, социальные диаконические центры – все заложено их трудами, их молитвами, их чаяниями. Это поколение тех людей, кто были учениками, друзьями, детьми и духовными чадами тех великих и святых людей, кого мы почитаем сейчас как новомучеников и исповедников Церкви прошлого века. Они положили основание всему тому, что мы имеем сейчас в наших приходах и общинах. Наша обязанность, наш долг воздать слово благодарности нашим родителям, сказать им наше спасибо, пока они еще живы, пока они с нами.

Мой отец, Василий Михайлович Лебедев, – священник, а затем – архиерей, епископ. Сейчас ему пошел 83-й год. Со своей последней кафедры (архиепископа Брянского и Севского) он ушел на покой уже очень больным человеком, перенес не один инфаркт и несколько инсультов. Практически был недвижим и не говорил. Но мы не теряли надежды поставить его на ноги. Когда близкий вам человек впадает в такое состояние, вы понимаете, что он может уйти, а вы не расспросили его о самом важном – о его жизни! И вы со страхом чувствуете, что время упущено... Ведь когда ваш отец монах, а затем архиерей, он не принадлежит вам, как принадлежат обычно отцы детям, его жизнь была отдана Церкви, епархии, служению. Ухаживая за ним, я поняла, как драгоценно наше общение с близкими, которое мы зачастую воспринимаем как нечто само собой разумеющееся. Мы с отцом очень много разговаривали, когда он стал восстанавливаться... Как ни странно, он не вспоминал ни заграничные поездки, ни какие-то блестящие моменты своей карьеры, а больше всего – свое детство. Нищее детство, в нужде, во время социальных перемен.

Он родился на стыке Московской, Владимирской и Рязанской областей в маленькой деревне Ново-Черкасово. Сейчас это Шатурский район Московской области. Его отец и дед из поколения в поколение занимались плотничеством. Когда же после гражданской войны всех загоняли в колхозы, они остались единоличниками. В результате семья была обложена огромным налогом, платить который они не могли. Так они оказались вне общества. В конце 1920-х – начале 1930-х шло большое строительство, нужны были плотники, его отец, и мой дедушка, работал в плотницкой артели в Москве. А когда ненадолго возвращался домой, вынужден был скрываться от местных властей. В доме была нищета страшная, и Прасковья Викторовна, так звали маму моего отца, весь груз семейного хозяйства, детей, везла на себе. А семья была большая – 11 человек, половина детей умерли от голода и болезней. Отец рассказывал: когда приходили собирать налоги, входят в дом – а в доме ничего нет, только чугунок каши в печи. Мама пытается спрятать чугунок, говорит – это детям, они голодные, но пришедшие обыскивают дом, находят только этот чугунок и уносят.

И прадед, и дед всегда были близки к Церкви, в детские годы моего отца дед был даже церковным старостой. Так что любовь к Церкви в этой большой семье была укорененной, глубокой, можно сказать – в крови. В семье читали церковнославянские книги, богослужебные, Псалтирь, Библию, жития святых, дети очень рано начинали прислуживать в храме.

Ближайший храм в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы был в селе Шеино в полутора-двух километрах от Ново-Черкасова. Отец вспоминает, что высшей радостью для него было прислуживать в алтаре. Первые два года школьного возраста он в школу не ходил, как папа сам говорил, не в чем было, да и помощь нужна была дома. Он очень рано научился читать и, конечно, не по советским букварям и азбукам. Пел на клиросе. Вот это он вспоминает как самую большую радость и основное наполнение жизни. Настоятель Казанской церкви, протоиерей Николай Постников в 1930-е годы был арестован. Отцу было 10 лет, и он помнит, как за багюшкой приехали. Это была осень, сентябрь или октябрь, тот вышел в одном подрысничке, ему не дали одеться, посадили в телегу, и матушка его бежала, бежала босиком по этой слякоти, потому что не было возможности им проститься. Больше его никто не увидел, и только потом стало известно, что уже в ноябре отца Николая расстреляли на Бутовском полигоне. Он прославлен теперь в лике новомучеников.

Когда Казанский храм закрыли, до следующего нужно было идти уже километров десять, да по бездорожью. А как не идти! Храм – центр жизни, а все остальное вторично. И вот они ходили в село Прудки Спас-Клепиковского района Рязанской области в церковь Рождества Пресвятой Богородицы, и до сих пор на столе у отца стоит фотография настоятеля этого храма, отца Василия Ушморова. Он очень почитает его как своего первого наставника. Потом и этот храм тоже был закрыт и разрушен. А когда отец Василий был выслан, то Лебедевы стали ходить еще дальше, в село Великодворье, которое все называли просто Пятница, потому что там была церковь Параскевы Пятницы. Так и ходили почти за 30 километров с хвостиком: сначала до озера, потом на лодке на другой берег, мимо нескольких деревенок, да через лес. И там мой отец встретил удивительного человека. Это был священноисповедник протоиерей Петр Чельцов. Священник того поколения, которое соединяет нас с претерпевшими в 1930-е годы мученическую кончину. Он умер в 1972 году, а родился в 1888-м. Почти сто лет прожил и служил до последнего дня. Арестовывали его шесть раз. Если посмотреть следственное дело отца Петра, поражаешься, как такое вообще можно выдержать: арест, тюрьма, возвращение, арест, ссылка на Соловки, возвращение, опять арест, Владимирская пересылка, снова возвращение, снова арест, снова ссылка... И для многих и многих молодых людей за долгие годы своего служения отец Петр стал духовным руководителем и образцом жизни во Христе. Теперь он прославлен в лике новомучеников и молится за всех своих духовных чад. К отцу Петру Чельцову приезжали для беседы многие, в том числе и будущий митрополит Никодим (Ротов) и будущий архимандрит Авель (Македонов), и мой отец. Молодые как бы грелись вокруг отца Петра. Он

их питал своей духовной энергией. Из этого кружка выросла крепкая дружба на всю жизнь. В жизни этих трех человек я вижу три важнейших вида церковного служения: отношения с государством, созерцательная молитва, приходская жизнь. Владыка Никодим станет крупным церковно-политическим деятелем. Отец Авель – будущий игумен афонского Пантелеимонова монастыря, затем архимандрит и наместник возрожденного Иоанно-Богословского монастыря под Рязанью. И приходской священник Василий Лебедев, который тогда и не думал, что ему уготовано быть епископом. Это то поколение, которому мы за многое должны быть благодарны. В них жило ощущение, что в Церкви много порушено и нужно вывести ее из этого состояния.

Отец Петр очень во многом помогал моему отцу, даже одеждой, – первый подрясник отца был подарен ему батюшкой Петром. Матушка Мария, супруга отца Петра, всегда старалась подкормить молодежь, которая наполняла дом, несмотря на очень и очень скромные условия, в которых они жили. А как они радовались успехам молодого отца Василия! Когда он закончил академию, написал кандидатку и получил право носить академический крест у ворота рясы, матушка Мария, называвшая своего супруга «папой», говорила с гордостью: «Мой папа ученый, а теперь и ты (Василий) ученый!»

В конце войны отец работал на заводе учеником слесаря. А когда война закончилась и на территории Новодевичьего монастыря открылись богословские курсы, позже преобразованные в семинарию, поступил учиться, а в 1950-м уже был рукоположен во священника.

Новой стезей

У моего отца в жизни все сложно получилось. Он был приходским священником и женой. После семинарии получил назначение в Преображенский храм села Бесово Московской области. Потом был переведен, и я родилась уже в селе Туголес Шатурского района. Я отца всегда воспринимала как строителя (все-таки в роду плотники, строители). Вот он пришел в Преображенский храм. Все было в запустении. Крыша рушится, он идет к властям просить железа. Ан нет, отказ. И исхитриться в те времена добыть железа для крыши, краску, штукатурку, это нужно было уметь! Я не знаю, как он это делал. Видимо, просто благодаря огромной вере в то, что когда очень надо и очень хочется, Бог Сам посылает людей, дает помощь. И отец всегда строил, строил, строил. И если видел, что в храме что-то не так, что нужно делать какой-то ремонт – он действовал. Для него это было совершенно однозначно. Но на первом месте для него всегда было служение, молитва. Он был действительно из тех священников, в молитву которого люди верили настолько, что и взаправду брали зонтик, идя молиться о безведрии. В 1955 году его перевели в село Молоди Чеховского района, и там он тоже занимался и благоустроенней храма, и строительством общины.

До революции сельский священник, получая назначение на приход, получал вместе с ним и какой-то земельный надел, но в моем церковном детстве такого уже не было. Не было у священника возможности иметь собственное хозяйство. И потому село Молоди я не воспринимала как село, у нас не было какого-то крестьянского образа жизни вроде обработки огородов или ухода за скотом. Хотя, кажется, были куры... Мы жили в доме при церкви. И этот дом стал настоящим центром приходской жизни. Отец – тогда совсем молодой, 28 лет, он всегда был очень искренним и жизнерадостным человеком, по характеру веселым и легким в общении. Когда он, совершая службу, выходил проповедовать, то говорил легко и доступно для всех. Со слезами говорил, потому что не мог без сердечного волнения рассказывать о евангельских истинах. Так живо все проходило через его сердце, что слушатели плакали. А как закончится служба – тут и самовар в доме, и беседы. У него был такой удивительный дар – притягивать к себе людей... Я знаю, люди приезжали на электричках из разных мест, и свои местные, конечно, ходили. Почему-то я очень ярко помню мое детство конца 1950-х: в доме всегда гости, какие-то веселые молодежные компании. Зимой прихожане отправлялись на лыжные прогулки, батюшка – впереди, весной – за березовым соком, летом, осенью – по грибы, вернуться – чай, самовар с шишками. В длинные теплые летние вечера самовар ставили на улице, в ограде храма, сидели подолгу, говорили и пели. Ах как пели! Духовные песнопения, канты, народные протяжные песни. У моего крестного – регента нашего хора, который так и жил при храме, в комнатке под колокольной, – был удивительный голос, он мог петь любую партию в хоре – басовую, теноровую, альт, – и он умел организовать хор, спевки. И всех своих хористок он называл «девочками». А девочки некоторые были уже с седенькими волосиками.

А вот еще воспоминание из детства: отец занят, работает в кабинете – заходить, мешать нельзя. В кабинете все стены заняты высокими под потолок шкафами с книгами, и среди них моя любимая, которую разрешалось открывать только за очень хорошее поведение (и значит, очень редко!) – толстенная Библия в старинном переплете, с гравюрами почти на каждой странице. Каждая гравюра проложена листами папиросной бумаги. Непередаваемое ощущение, когда тебе разрешают открыть эту книгу, осторожно приподнять листок папиросной бумаги и увидеть эту красоту, а тебе поясняют – вот это Моисей со скрижалями, от его лица идет свет! В кабинете огромный письменный стол, на столе непременно пишущая машинка, отец быстро-быстро печатает двумя пальцами. Уже став взрослой, я узнаю, что он составляет службы неко-

торым святым, пишет акафисты. Перепечатывает богослужебные книги для клироса, составляет толкования к уставу, создает удобный для пользования типикон...

Я помню храм, всегда полный прихожан, красивое пение за службой, очень красивое убранство внутри. К 1961 году, когда нашу молодинскую церковь закрыли, в ней только-только обновили живопись, позолотили иконостасы. Там была дивная роспись, редкая по качеству для деревенского храма. И во мне сохранилось детское впечатление навсегда: храм – это красота невозможная! Когда местные старушки узнали, что храм будет закрыт, они там заперлись изнутри, а милиционеры или дружинники

их выгоняли, буквально вышвыривали из храма. Потом в нашей церкви открыли клуб – танцы, кино, дискотеки, но, надо заметить, местные жители туда не ходили. И тогда власти привозили народ откуда-то специально. А в нашем церковном доме устроили медпункт и библиотеку. (Сейчас храм в Молодях снова открыт, спустя ровно 30 лет после его закрытия, в 1991 году в нем начал служить мой брат, священник Константин Лебедев. Когда вся наша семья пришла на первую службу молодинские жители со слезами обнимали нас и говорили: «Мы помним вас маленьких, мы помним нашего батюшку, отца Василия».)

А мы после закрытия храма ездили в Лавру, в Сергиев Посад, тогдашний Загорск. Потом купили там домик и переехали. Отец тогда сказал: «Тут комнатка будет для меня». Но так не получилось. В 1961 году с закрытием храма и наша семья разрушилась... Мама с нами, детьми, переехала в Климовск, а отец принял монашество и был назначен, кажется, в Орехово-Зуево. Начинаясь новый период его жизни – архиерейский. Много позже мне рассказывали, что когда отец, уже владыка Мелхиседек, был на Венской и Австрийской кафедре, из его архиерейских покоев с раннего утра доносилось пение. Нельзя сказать, что у него был какой-то особый голос или он был очень одарен музыкально. Но не петь он не мог, потому что лучшее для него было – петь службу, или петь молитвы на гласы, или акафисты на распев. Отец говорил, например, что если ирмосы читают, то лучше их опускать. И конечно, много было искушений для людей, потому что утром час поет, два поет. Пока не споет всю утреню. А потом только спускался в приемную.

А моя мама, оставшись одна с четырьмя детьми, начала учиться. С четырьмя детьми она смогла сделать из себя инженера-технолога, получив соответствующее образование. Конечно, ей было очень тяжело. Да к тому же к нам без конца ходили какие-то тетеньки из учреждений – ну как же! поповская семья распалась! – и предлагали детей куда-то отправить, в интернат, в детский дом. Это была особенность советской системы: в деле разложения Церкви не на последнем месте стояло и разрушение семей. Потому что разрушение Церкви – это не только закрыть храм, не только оклеветать священника, не только задавить его налогами, 90-процентными, заметьте! – но и нарушить мир в семье. Многие матушки поколения моих родителей скажут, что их семьи старались разрушить. Поэтому не все семьи хорошо жили в эти 1960-е годы. Но мама нас не отдала, всех поставила на ноги и не позволила исчезнуть их наших детских сердец образу отца-священника. Праздником для нас бывало быть в Лавре, у преподобного Сергия, или на каникулах в родственных семьях священников, старшего брата владыки, отца Алексия, и отца Виктора, мужа его сестры, которые служили в деревенских храмах в Подмосковье.

О простой непростой любви

Господь соединяет людей разными путями. Когда мы познакомились с моим будущим мужем, мы нашли друг в друге очень много общего. Он тоже из семьи простой, крестьянской, раскулаченной до последней нищеты. Его дедушка был настоящий справный крестьянин, украинец. Жили они в с. Белополе Шепетовского района Хмельницкой области. Семья была доведена до крайней бедности. И его дедушка всегда был церковным старостой, но в их селе храм

не закрывался. И таким же, как и в семье моей бабушки, было отношение к церкви как к центру жизни, и к праздникам церковным. Моя бабушка, Прасковья Викторовна, из рода Акимовых. Они были очень строгие, очень истовые верующие. Тогда даже было такое понятие – церковники. Неукоснительно соблюдали посты, неукоснительно чтили праздники. Некоторые семьи, церковные, православные, считают, что праздник важно чтить, посещая храм, литургию. Но при этом дом может быть запущенным, неопрятным, а дети – неухоженными. Вот этого не было в семье моей бабушки. Там было, что называется, бедно, но чисто. К празднику ты должен был подготовиться полностью. Умри, но дом перед праздником должен быть намыт-начищен до блеска. Такая строгость была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.